

22. Сатлаев Ф.А. Колонизация предгорного Алтая в первой половине XIX в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Бахрушинские чтения. 1969 г. Новосибирск, 1973.
23. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.
24. Тыжнов И.И. Из истории горнозаводского населения на Алтае: Материалы для истории крепостного права в Сибири // Алтайский сборник. Барнаул, 1907.
25. Bruegel M. Unrest: Manorial Society and the Market in the Hudson Valley, 1780–1850 // The Journal of American History. Vol. 82, Mar. 1996, No. 4: 1393–1424.
26. Gates P.W. Landlords and Tenants on the Prairie Frontier: Studies in American Land Policy. Ithaca: Cornell University Press, 1973.
27. Defaulting farmers // New York Times. 1857. October 28.
28. John H. Mathews (1785–1862). MS 3891. C. 1. F. 31. Tax Statements, 1846–1859 // The Western Reserve Historical Society, Cleveland, OH.
29. Pautz W.C. The Social and Economic Beginnings of the Western Reserve. Manuscript // The Western Reserve Historical Society Library.
30. Лукичев С.С. О поставках приписных крестьян Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа провианта и фуража для заводов и рудников // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3.
31. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 гг. Новосибирск, 1967.
32. Шкуркина В.К. Крестьянство как релевантный фактор политики Кабинета первой половины XIX века // Вторая Сибирская школа молодого ученого. Томск, 2000.
33. Шкуркина В.К. Социально-экономическая адаптация алтайского крестьянства к условиям приписки на протяжении первой половины XIX века // V Общерос. межвуз. конф. студ., аспирант. и молодых ученых «Наука и образование». Томск, 2003. Т. 4.

УДК 94/99

В.Т. Юнгблюд

ОТ ЛИГИ НАЦИЙ К «СИСТЕМЕ ВСЕОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ»: ИДЕИ ОРГАНИЗАЦИИ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА В ВОЗЗРЕНИЯХ Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА, 1918–1941 ГОДЫ

Вятский государственный гуманитарный университет

По меньшей мере две вехи обозначили влияние Соединенных Штатов на развитие социально-экономических, политических и международных процессов в мире в середине XX в.: «новый курс» Ф.Д. Рузвельта и участие в создании на исходе Второй мировой войны Организации Объединенных Наций. Если значение «нового курса» как события, заложившего фундаментальные основы «кардинальных преобразований» [1, с. 31–32] в США и во многих государствах Запада, в настоящее время можно считать в основном общепризнанным, то в изучении теоретических и практических аспектов внешнеполитической деятельности Рузвельта сохраняются дискуссионные проблемы. Контраст между инертной политикой нейтралитета 1930-х гг. и решительным интервенционизмом в годы войны не раз служил поводом для критики президента. Его обвиняли в оппортунизме, беспринципности и лицемерии¹, эклектичности воззрений и склонности к спонтанным импровизациям (см., напр.: [5]). Среди почитателей Рузвельта порой на-

блюдалась другая крайность – упрощение его внешнеполитической программы вплоть до попыток вписать ее в рамки одной единственной политической парадигмы².

В настоящей статье рассматриваются воззрения Ф.Д. Рузвельта под углом зрения эволюции его взглядов на способы обеспечения мира и безопасности через всемирную организацию. Это необходимо для выяснения степени преемственности (или прерывности) основных положений его концепции миропорядка в предвоенные годы; для уточнения позиции Рузвельта в «великих дебатах» 1930-х гг. между изоляционистами и интервенционистами, с одной стороны, и между идеалистами и реалистами, с другой стороны; наконец, для более полного понимания масштабов и характера вклада президента в теорию и практику международных отношений межвоенного времени.

На заре политической карьеры Рузвельт познакомился с популярными в начале XX в. идеями А. Мэхена и Т. Рузвельта. Однако увлечение оказа-

¹ Историк ревизионистского направления (Ч. Бирд, Ч. Тэнзил и др.) в этом отношении были особенно продуктивны (см.: [2–4]).

² Обозначить указанные крайности можно, с одной стороны, работой Фрэнка Донована [6], безоговорочно причисляющего Рузвельта к либерально-идеалистическому (или либерально-вильсонистскому) направлению во внешней политике, позицией современных историков Д. Бринкли и Т. Хупса [7], доказывающих, что в 30-е гг. Рузвельт полностью отошел от вильсонизма и стал «реалистом».

лось недолгим. Хотя основы геополитики и силовой дипломатии в дальнейшем многократно находили применение в его практике, не только они составили суть его отношения к международным делам. Ф.Д. Рузвельт был восприимчив к новым идеям. Концепции и доктрины, традиционные для американской внешней политики, он постоянно корректировал и приспособлял к требованиям времени [5, р. 4–5; 8, р. 93–94, 116–117], что особенно проявилось на заключительном этапе Первой мировой войны и во время работы Парижской (январь–июль 1919 г.) и Вашингтонской (ноябрь 1921 г. – февраль 1922 г.) конференций. Данный период особенно важен с точки зрения формирования мировоззрения будущего президента.

Предложения Вильсона по изменению системы международных отношений произвели на него сильное впечатление и убедили в том, что «целеустремленный политик с интернационалистскими убеждениями в сложившихся условиях не может прокладывать себе путь при помощи воинственных действий и риторики, использовавшейся Теодором Рузвельтом» [9, р. 11].

Вильсонизм как «особая парадигма внешнеполитической мысли оказался вполне закономерным для того времени явлением» – справедливо считает российский историк В.В. Романов [10, с. 463]. Он сложился под влиянием коренных изменений, происходящих в мире в первые десятилетия XX в. и включал идеи создания нового мирового порядка и механизмов его поддержания. Концептуальным ядром этой программы служили принципы морализма и международного права. Вильсон предложил учредить главный координирующий орган мировой политики – Лигу Наций, которая будет следовать идеям открытой дипломатии, свободы морей, разоружения и признания суверенитета государств. Указанные пункты, дополненные постулатами «предопределения судьбы» и американского «мессианства», определили важнейшие целевые установки Вильсона и его администрации [10, с. 463].

Ф. Рузвельт был одним из самых молодых и амбициозных членов этой администрации. Овладев вильсонистскими принципами, он тем не менее не пожелал открыто претендовать на роль политического наследника президента. Отчасти – из тактических соображений (Конгресс и большинство избирателей в 1918–1920 гг. все более решительно поворачивались в сторону изоляционизма), но главным образом из-за того, что с самого начала он рассматривал идеи Вильсона не как сумму неизменных положений, а как приблизительную модель международного переустройства, подлежащую редактированию в зависимости от изменяющихся условий.

Сразу после начала национальных дебатов по поводу правительственной программы выхода из вой-

ны он заявил о себе как об активном стороннике «Четырнадцати пунктов». «Это время идеализма, время приверженности высоким идеалам, и мир смотрит на нас, желая убедиться в преимуществах тех высоких целей, за которые мы воевали», – заявлял он в начале 1919 г. [9, р. 12]. Однако уже в марте того же года его выступления приобрели более практическую направленность. Он отмечал, что Лига, будучи отправным пунктом в развитии цивилизованных отношений между народами (он сравнивал ее учредительные документы с Конституцией США), «по необходимости в конкретных деталях носила экспериментальный характер, и по этой причине некоторые ее компоненты следовало бы видоизменить или вообще отбросить». Но сам замысел, по его мнению, был вполне здравым, и американцам следовало в целом «одобрить генеральный план» [11, р. 573].

Кеннет Дэвис отмечал, что Рузвельт лучше многих современников чувствовал перемены в общественных настроениях, наметившиеся сразу же после подписания перемирия с Германией [11, р. 561]. На эволюцию его воззрений влияли также разочаровывающие результаты деятельности самой Лиги Наций. Тем не менее он не отказался от идеи поддержания мира и стабильности через взаимодействие государств в рамках полномочной международной организации. В 1923 г. по настоянию своей жены Элеоноры он принял участие в конкурсе проектов плана защиты мира. «План» Рузвельта представлял собой набросок новой редакции Версальского договора. Автор признавался, что его цель заключалась в опровержении противников вступления США в Лигу Наций. «Мы верим, – писал он, – что участие... в серьезных и продолжительных усилиях по искоренению причин войны более чем оправданно, к этому призывает опыт нашей истории, это соответствует нашим интересам и, что самое главное, нашей высшей цели помочь человечеству улучшить жизнь». Чтобы эта цель была достигнута, он предложил «вместо Лиги Наций учредить новую Международную Конференцию под названием «Сообщество Наций». Наиболее примечательной чертой этого плана было предложение изменить статьи Версальского договора (ст. 5, 10) о процедуре голосования в Совете Лиги и о полномочиях Совета в случае нападения, угрозы или опасности нападения агрессора на любое государство, являющееся официальным членом международного сообщества. Замысел состоял в том, чтобы исключить принцип единогласия при голосовании по вопросам применения санкций или использования вооруженных сил, поскольку, по мнению автора, невозможно было «оправдать процедуру, позволяющую одному или двум государствам-нарушителям блокировать волю подавляющего большинства» [11, р. 561].

Американские исследователи Д. Бринкли и Т. Хупс полагают, что именно в это время состоялось прощание Рузвельта с вильсонистскими идеалами и он перешел в разряд почитателей политического реализма [7, р. 11]. Текст «Плана защиты мира» свидетельствует об обратном. Мысль будущего президента находилась в непрерывном движении, но она пульсировала вокруг тех же теоретических положений, что и раньше, при этом имело место достаточно недогматическое обращение с ними. Рузвельт сейчас уделял больше внимания деталям своей программы и заинтересованно наблюдал, во что воплощаются идеи, сформировавшие контур версальско-вашингтонского порядка.

Победа на выборах 1932 г. произошла в условиях преобладания в США изоляционистских настроений, что существенно ограничивало возможности администрации. Президент не испытывал сомнений относительно общего направления внешнеполитического курса: «В его понимании изоляционизм, имеющий в определенных случаях свои тактические преимущества... являлся анахронизмом» [12, с. 111]. Предложенная им в 1933 г. программа имела интернационалистскую направленность. Самой яркой ее чертой была идея добрососедства, которая становилась отличительным знаком внешней политики администрации, хотя геополитический формат и содержательное наполнение этой идеи оставались неопределенными.

Принятый Конгрессом в 1935 г. Акт о нейтралитете служил барьером на пути вовлечения США в сферу международных соглашений и обязательств. Акт не был детищем президента. В то же время его положения неплохо стыковались с тем, что администрация пыталась делать в области внутренней политики. Это обстоятельство отчасти объясняет, почему президент со столь ярким интернационалистским прошлым так флегматично реагировал на ограничивающую волю Конгресса. Историк Томас Грир заметил по этому поводу: «Он осознал, что... базовой единицей мирового сообщества стали национальные государства, и предметом его первоочередного беспокойства была Америка. ... На протяжении 1930-х гг. он считал, что наилучшим образом обеспечить национальные интересы США можно только сохранив свободу в мировых делах» [13, р. 161]. В международной неопределенности национализм и апелляция к Акту о нейтралитете были объяснимой тактикой.

Порой выступления Рузвельта напоминали черновые наброски планов глобального переустройства мира¹ по образу панамериканского содружества. «Наше поколение посвятило себя выработке принципов и созданию механизмов, при помощи которых это полушарие может поддерживать отношения сотрудничества. Следующее поколение будет занято разработкой методов, при помощи которых Новый свет сможет жить в мире со Старым», – заявлял он в апреле 1939 г. [15, р. 310]. Тема Лиги Наций или иных форм организации мирового сообщества в это время затрагивалась им крайне редко, что служило основанием для некоторых авторов упрекать его или его основных советников² в изоляционизме. Тем не менее признание необходимости упорядочения международных отношений в его выступлениях в середине 1930-х гг. присутствовало постоянно. Для решения этой проблемы остальному миру, по его мнению, следовало взять на вооружение основные достижения политики «добраго соседа» [15, р. 309]. Президент по-прежнему считал Лигу Наций «опорой структуры миролюбивого мира» [5, р. 116], но поскольку в США предложения вступить в нее оставались непопулярными, возможность этого шага даже не рассматривалась. После выхода из Лиги Японии (27 марта 1933 г.) и Германии (19 октября 1933 г.) такие попытки утратили всяческий смысл. В течение некоторого времени он проявлял интерес к идее консультативного пакта, но развитие событий в Азиатско-Тихоокеанском регионе опрокинуло и эти расчеты.

С началом Второй мировой войны мирные средства воздействия на агрессоров были исчерпаны. Военная сила стала, с точки зрения Ф.Д. Рузвельта, не только необходимым, но и законным инструментом внешней политики. «Двое сумасшедших уважают силу и только силу», – говорил он Г. Уоллесу [17, р. 435], имея в виду Гитлера и Муссолини. Рузвельт усилил кампанию по мобилизации мирового общественного мнения в пользу государств, борющихся с фашизмом. В начале января 1941 г. по радио прозвучало его выступление, в котором были сформулированы четыре принципа свободы, которые, по мысли президента, были «антитезой так называемому новому порядку». Отныне человечеству становилось известно, что в основание будущего мира должны быть заложены принципы свободы слова, свободы вероисповедания, свободы от нищеты, свободы от страха, прийти к чему можно только через

¹ Об «изоляционистской форме» политики Рузвельта, которая только с 1937 г. стала наполняться «глобалистским содержанием», пишет, например, И.В. Галкин [14, с. 214]. Утверждение, по меньшей мере спорное, как в отношении «формы» до 1937 г., так и в отношении «содержания» после 1937 г.

² А.В. Золов, например, относит к числу изоляционистски-настроенных советников президента Рузвельта министра внутренних дел даже Г. Икеса и Г. Гопкинса. Оба деятеля в то время занимались преимущественно внутренними делами, но этот аргумент совершенно недостаточен для их причисления к изоляционистам [16, с. 141].

всеобщее разоружение [18, р. 610–611]. Таков был идеологический каркас будущего мирового порядка. Причем бремя руководства созданием этого порядка, по мнению Рузвельта, предстояло нести Союзным Штатам Америки [19, р. 6].

В Атлантической хартии, подписанной 14 августа 1941 г., Рузвельт и Черчилль сформулировали цели своих государств в войне. Текст этого документа перекликался с четырьмя свободами Рузвельта и стал идеологической платформой американо-британского взаимодействия [20, с. 336–337]. Анализируя Хартию, а также дискуссии между Рузвельтом и Черчиллем по поводу содержания ее статей, упоминавшиеся ранее историки Д. Бринкли и Т. Хупс делают весьма спорный вывод о том, что во время Атлантической конференции президент показал себя «разочаровавшимся вильсонистом и последовательным защитником реалполитики». В качестве основного аргумента приводится отказ Рузвельта включить в восьмой пункт Хартии фразу о намерении США и Великобритании содействовать созданию после войны организации по поддержанию всеобщей безопасности [7, р. 39–40]. После полемики с Черчиллем президент согласился на компромиссную формулировку, гласившую, что «впредь до установления более широкой и надежной системы всеобщей безопасности» агрессивные страны должны быть разоружены [21, с. 197].

Таким образом, не мораль и право, а международная полицейская сила будет поддерживать безопасность, гарантирующую мир и стабильность, и это положение было зафиксировано в итоговом тексте документа. Данное обстоятельство, тем не менее, не следует воспринимать как решающий аргумент, доказывающий «измену» Рузвельта «либеральному вильсонизму» и его превращение в безоговорочного «политического реалиста». Противопоставление вильсонизма и реалполитики, вообще, вряд ли может быть применено при рассмотрении эволюции внешнеполитических воззрений Ф.Д. Рузвельта, настолько органично он умел совмещать оба подхода. Кроме того, знакомство с идеей применения международных полицейских сил у него произошло еще в период восхищения Т. Рузвельтом, при том, что в содержательном плане он отклонился очень далеко от идеологии автора политики «большой дубинки». В данной связи уместно привести некоторые возражения выводу Хупса и Бринкли о якобы имевшем место у Ф.Д. Рузвельта «разочаровании вильсонизмом».

Во-первых, в теоретических рассуждениях и практической деятельности Рузвельта в 1940–1941 гг. столь же отчетливо, как и раньше, присутствовал морализм, являвшийся неизменным ценностным приоритетом либерального вильсонизма.

Во-вторых, появление Атлантической хартии было обусловлено эскалацией Второй мировой войны и

перспективой вступления в нее США. В этих условиях появление в тексте документа пункта о разоружении агрессоров и создании системы безопасности было уместнее и понятнее абстрактных формулировок о международном праве и новом всемирном форуме. Вильсон создавал свой план в конце Первой мировой войны; Рузвельт с Черчиллем договаривались о будущем мире в начале Второй. Хартия не предлагала план урегулирования, а призывала к мобилизации. Отсюда и выбор терминологии.

В-третьих, пункты 1–7 Хартии основательно насыщены вильсонистскими идеями («отказ от территориальных захватов», «самоопределение народов», «национальный суверенитет», «равный доступ к мировой торговле», «всеобщая безопасность», «свобода морей и океанов») и не дают оснований усомниться в том, что, ставя под ними свою подпись, президент был неискренен.

В-четвертых, формулировка «широкая и надежная система всеобщей безопасности» не исключала создания в будущем универсального органа, обеспечивающего функционирование этой системы. Понятия «организация» и «система безопасности» могли при соответствующем развитии событий соотнестись как международный политический орган и его важнейшая функция. Безопасность в таком случае превращалась бы из военной цели США и Великобритании в непосредственную задачу мирового сообщества, создавшего ради ее решения необходимые политические и военные механизмы при главенствующем участии англосаксонских держав.

Рузвельт, таким образом, был вполне последователен в своем идейном развитии. «Практичным идеалистом» назвал его историк Ф. Donovan, пояснив, что, в отличие от В. Вильсона, ФДР никогда «не витал в облаках» и подкреплял свои мечты вполне прагматичными решениями и адекватными материальными ресурсами [6, р. 1–3]. В своей деятельности он постоянно обращался к идеям, усвоенным в период своего политического становления, как правило, приспособлявая их к обстоятельствам. В этом смысле эволюция его воззрений характеризовалась объяснимой последовательностью сменявших друг друга интеллектуальных и политических позиций: восхищение идеей Лиги – признание несовершенства ее учредительных документов и предложения «исправить допущенные ошибки» – понимание нецелесообразности вступления США в этот орган в условиях нарастания военной угрозы – возвращение к мысли о создании системы всеобщей безопасности, но уже наделенной новыми параметрами, соответствующими послевоенной эпохе. Такое развитие внешнеполитических воззрений Рузвельта не оставляло места для изоляционизма.

Поступила в редакцию 27.09.2006

Литература

1. Язьков Е.Ф. Новый курс Рузвельта и его место в истории США // Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России. М., 1996.
2. Beard Ch. American Foreign Policy in the Making, 1932– 1940. A Study of Responsibilities. New Haven, 1946.
3. Tansill Ch. Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933–1941. Chicago, 1952.
4. Tansil Ch. Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and Its Aftermath. Newport Beach, 1993.
5. Cole W. Roosevelt and the Isolationists 1932–1945. Linkoln, 1983.
6. Donovan F. Mr. Roosevelt's Four Freedoms. The Story Behind the United Nations Charter. N.Y., 1966.
7. Hoops T., Brinkley D. FDR and the Creation of the L.N. New Haven & L., 1998.
8. Crabb G.V., Mulcahy K.V. Presidents and foreign policy making: from FDR to Reagan. 1986.
9. Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy 1932–1945. N.Y., 1979.
10. Романов В.В. В поисках нового миропорядка: внешнеполитическая мысль США (1913–1921 гг.). М., 2005.
11. Davis K.S. FDR. The Beckoning of Destiny, 1882–1928. N.Y., 2004.
12. Мальков В.Л. Франклин Д. Рузвельт. Проблемы внутренней политики и дипломатии. М., 1988.
13. Greer Th.H. What Roosevelt Thought. The Social and Political Ideas of Franklin D. Roosevelt. Michigan State University Press, 1958.
14. Галкин И.В. Искусство возможного // Либеральная традиция в США и ее творцы. М., 1997.
15. Franklin D. Roosevelt and Foreign Affairs: Vols. 1–17. Cambridge (Mass.), 1969–1985. Vol. 14.
16. Золов А.В. Американский изоляционизм 30-х годов: попытка классификации // Новый курс Ф. Рузвельта: значение для США и России. М., 1996.
17. Miller N. FDR. An Intimate History. N.Y., 1983.
18. U.S. Department of State. Peace and War. Peace and War: United States Foreign Policy, 1931–1941. Washington, 1943.
19. The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt: 1933 vol. – 1945 vol. / Ed. by S.I. Rosenman. N.Y., 1938–1950. 1940 vol.
20. История США: В 4 т. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 1985. Т. 3.
21. Системная история международных отношений. 1918–2000. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000.